

ВИКТОР ДАЛИН – ПОКЛОННИК БРОДЕЛЯ

М. Вовель

Не без некоторого волнения вновь открыл я книгу «Люди и идеи», подписанную для меня автором, Виктором Далиным: «Дорогому другу и коллеге Мишелю Вовелю с искренним уважением. Москва, июль 1983 г.». Тем летом я впервые посетил советскую столицу в рамках деятельности по подготовке празднования 200-летия Французской революции, был принят в Академии наук, и Виктор Далин пожелал встретиться со мной лично. Образ невысокого щуплого человечка при всех регалиях, его живой взгляд и превосходный французский, какой ныне редко от кого услышишь, навсегда сохранились в моей памяти. А еще я не забыл теплоту той встречи. Далин с гордостью преподнес мне свою книгу, которая только-только вышла из печати¹. Он говорил о Броделе, настойчиво выяснял мое мнение, и теперь я попытаюсь, освежив в уме его представления о школе «Анналов» и французской историографии, изложенные в последней главе книги², найти в них нечто большее, чем частный взгляд исследователя на одну из «священных коров» исторической науки XX века.

Обосновывая выбор «школы “Анналов” в качестве предмета изучения, Далин *in fine* всего лишь ссылается на свое право ученого: «Пишущий настоящие строки полагает, что он имеет известное право высказаться о судьбах школы “Анналов”. Полвека назад он с большой симпатией знакомился с первыми книжками журнала...»³. Что удивительно, в течение всей жизни, в которой, как известно, было немало драматических эпизодов, Виктор Далин никогда не терял интереса к открытиям в исторической науке, продолжал внимательно следить за всеми ее нововведениями.

Однако же почему он выбрал именно «Анналы»? Вопрос не имел бы смысла в связи с очевидностью ответа, если бы Далин не намекнул нам на существование иной причины: советский историк-марксист, он на протяжении всей своей карьеры искал в той Франции, которую хорошо знал и которой посвящал научные труды, партнеров для открытого

Мишель Вовель, Экс-ан-Прованс.

¹ Имеется в виду выпущенный издательством «Прогресс» в 1983 г. французский перевод книги В.М. Далина «Люди и идеи» (М.: Наука, 1970). – *Прим. пер.*

² На русском языке глава «Французские историки XX века (Судьбы школы “Анналов”)» опубликована в: *Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков*. М., 1981. По этому изданию далее и даются цитаты из данной главы. – *Прим. ред.*

³ *Dalín V. Hommes et idées*. Moscou, 1983. P. 425.

диалога. Предметом его исследования о развитии и укреплении марксизма во Франции – предпосылки этого укрепления он нашел и горячо приветствовал в главном произведении Жореса, не обделив вниманием и историографию Французской революции как средоточие марксистских идей – была тема, часто возникавшая в исторической литературе, но, надо признать, довольно долго (до 1958 г., когда вышли «Санкюлоты» Альбера Собуля) не выходящая за рамки общепринятой позиции.

Открытость сознания и пылкий ум Виктора Далина поддерживали его интерес ко всем течениям – марксистским и немарксистским, – с начала XX в. вносящим нечто новое во французскую историографию и в свое время обеспечившим успех молодой школе истории, выразителем идей которой с 30-х годов выступали «Анналы»; при этом Далин отдавал дань и их предшественникам, не забывая об Анри Берре и Журнале синтеза, Дюркгейме и журнале «Социологический год» («L'Année sociologique»), географической школе Видаля де ла Блаша и, конечно, о Жоресе, – отслеживал преемственность и воссоздавал исторический контекст.

Глава, посвященная Виктором Далиным истории «Анналов», четко выстроена по трем пунктам: предпосылки создания и расцвет «первых», а затем «вторых “Анналов”» во главе с Марком Блоком, Люсьеном Февром и Броделем, упадок при Эмманюэле Леруа-Ладюри и Пьере Шоню и, наконец, крушение «третьих “Анналов”». Сценарий, казалось бы, вполне традиционный, однако в своем исследовании Далин использует богатейший материал, опирается на обширнейшую библиографию – он проявляет внимание ко всем новым веяниям из Франции, к научным работам и статьям оппонентов, к любой критике, не только французской или русской, но и международной (англосаксонской, итальянской).

Вехами весьма индивидуализированного повествования служат портреты знаковых персонажей, складывающиеся из подробных биографических справок и краткого, но содержательного анализа основных произведений, на базе которого Далин делает взвешенные выводы – до поры до времени, конечно, что и не удивительно, ведь как исследователь он излагает собственное мнение, которое никак нельзя назвать спонтанным, и демонстрирует порой если не смелость, то, по крайней мере, нонконформизм, характерный для начала 80-х, не упуская случая поспорить и с некоторыми советскими учеными, будь они ортодоксальными марксистами или нет. В качестве решающего средства Далин прибегает к ссылкам на Маркса, Энгельса или Ленина, чтобы установить критерии соответствия суждений французских авторов марксистскому подходу. При этом книга получилась толерантной, благосклонной, хоть и с оговорками, к не-марксистским историкам, поскольку автор старался не упустить ничего из конструктивных нововведений в исторической науке. В отличие от многих своих коллег, даже весьма

сведущих, которые до 1989 г. хранили верность принципу противопоставления «марксистских» и «буржуазных» историков, Далин не ограничивал себя рамками этого дискриминационного этикета.

Ставя во главу угла личность, он плетет вокруг знаковых фигур – героев и антигероев – ткань живого повествования, не позволяя себе ни капли лести, но и не прибегая к хуле; это суд, претендующий называться справедливым. Для характеристики «героев» Далин охотно заимствует метафору Эрнеста Лабрусса, уподобившего Марка Блока, Люсьена Февра и Жоржа Лефевра трем «звеньям» одной «цепи», и добавляет к ним четвертое «звено» – самого Лабрусса. Однако за этим мнимым упрощением просматривается экуменистский подход, приобщение к единому пантеону историков-марксистов и не-марксистов. И действительно, если присмотреться повнимательнее, в списке Далина можно различить две шеренги: создатели французского историографического течения, вдохновленного марксизмом, среди которых мы находим Жореса, а с другой стороны – Матъеза, Лабрусса, Собуля, наконец. Похвалы в их адрес, порой неумеренно восторженные – Жоресу, Лефевру, – иной раз содержат намеки, открыто или по умолчанию, на былые столкновения и еще не затянувшиеся раны, идет ли речь о Матъезе (воспоминания о 30-х годах?), об уважаемом и всем известном Лабруссе, который при этом так и не стал своим среди марксистов⁴, и в какой-то степени о Собуле, партнере по дебатам, которые тогда велись в советской историографии.

«Антигероев» определить еще проще, хотя Далин из вежливости (старая школа, что поделаешь) начинает с перечисления их заслуг; однако, как только дело доходит до Леруа-Ладюри, Фюре или Шоню, критика становится более резкой, безжалостной, и заканчивается она констатацией «прискорбного» (с. 425) факта – финального краха «третьих “Анналов”». Хронологическая близость этого события к тому времени, когда Далин подводил итоги, отнюдь не способствует лучшему его пониманию. Соглашаясь с мнением своего соотечественника Н. Болховитинова (с. 396), который датировал концом 60-х годов появление научного метода и самого термина «квантитативный», обозначив его как результат американского влияния теории Ростоу⁵ и компьютерных технологий, Далин, вслед за многими другими, недооценивает более раннее французское наследие Симиана и Лабрусса, говоривших об истории, которую можно «просчитать, измерить и взвесить». Точно так же и на поле словесных баталий по поводу

⁴ Помню разговор, состоявшийся у меня в начале 50-х гг. с Эмилем Терсе, профессором Эколь Нормаль из Сен-Клу. Лабрусс сказал ему о своей поездке в СССР: «Меня принимали как принца». «А мы забрасывали его тухлыми помидорами», – усмехнулся историк-коммунист. – *Прим. автора.*

⁵ Ростоу, Уолт Уитмен (Rostow, Walt Whitman; p. 1916) — американский экономист и социолог, автор книги «Стадии экономического роста» (1960 г.). – *Прим. пер.*

Французской революции между «ревизионистами» и якобинцами-марксистами, куда Далин вступает, надо признать, с осторожностью, он недооценивает масштаб переворота, произведенного Франсуа Фюре, уделяет больше внимания раннему Фюре, писавшему в 1965 г. о «заносе» («déravage») Революции, нежели позднему, вынесшему суровый приговор «иллюзии», и это при том, что советский историк определенно читал «Постижение Французской Революции» («Penser la Révolution française») и даже саркастически осудил возвращение автора к великим предшественникам вроде Огюстена Кошена.

Было бы несправедливо упрекать Виктора Далина, человека, между тем, на редкость сведущего и проникательного, упрекать в том, что он в начале 80-х не сумел предвидеть размах грядущих потрясений. В равной степени было бы неверно искать в рамках частной, личностной полемики четкую формулировку позиции по поводу глубинного смысла главных тем – «квантитативный» метод, галопирующая демография – периода Леруа-Ладюри и Шоню.

Однако на фоне упрощенной дихотомии героев и антигероев, появляется третья категория собеседников, а вокруг них – совсем другая череда споров, разгоревшихся или только тлеющих. К этой категории принадлежат историки марксистского и немарксистского толка – здесь граница между лагерями размыта, – готовые двигаться вперед, осваивать новые территории, куда, по мнению Далина, исследователь должен углубляться с большими предосторожностями. Речь идет о заслуживших всеобщее признание Дюби, Мандру и Ле Гоффе (с оговорками), но также и о Вовеле, которого называют марксистом и который сам себя считает таковым. Далин исследует концепцию менталитетов, воплотившуюся, на его взгляд, у Мандру в форму «истории восприятий мира», у Дюби – мнимого (не сказать хуже) коллективного бессознательного, а у Вовеля всего-навсего в идею «инертности ментальных структур». Далин, судя по всему, не читал «Идеологии и менталитеты» («Idéologies et mentalités»), и я вовсе не ставлю ему это в вину, но, ознакомившись с данной книгой, он сумел бы лучше понять мою позицию, которая ставила его в тупик: с одной стороны Далин симпатизировал мне как историку Французской революции, выступавшему против Рише и теории элит, против Фюре и «заноса», с другой стороны я вызывал его беспокойство как «историк смерти», хотя он внимательно изучил работу «Барочное благочестие и дехристианизация» («Piété baroque et déchristianisation»). Беспокойство, впрочем, проявляли в ту пору многие мои друзья, как французские, так и советские; сформулировал его Пьер Вилар: мол, почему бы вам не оставить все эти погребальные темы и не обратить взор на «рост сознательности», эволюцию разума? Далин соглашается (с. 417 и далее) с необходимостью изучать менталитеты – термин звучит для советского историка слишком «расплывчато», отвлеченно, при этом его не обходят

вниманием ни марксисты, ни серьезные ученые вроде Мандру, – однако нельзя не заметить, что причины и основополагающие последствия переворота в науке, произошедшего в 70-х годах, когда устанавливалась гегемония истории менталитетов, вытесняя лабруссовскую социальную историю, остались для него не вполне ясны.

Говоря о себе, боюсь показаться нескромным, к тому же мое появление на страницах книги Далина весьма непродолжительно; но, что бы там ни думал по этому поводу читатель, я не потерял нить повествования, главным героем которого наряду с Виктором Далиным является Фернан Бродель. И, выбрав отправной точкой вопрос: «Почему “Анналы”?», я не сумею, будучи историком «скорее лабруссовского, нежели броделевского толка», как я однажды сам себя охарактеризовал, уклониться от вопроса: «Почему Бродель?». Второй вопрос может показаться таким же обманчиво наивным, как и первый, – всем нам, даже людям моложе меня, известно, с каким зачарованным вниманием прислушивались к Броделю не только во Франции, но и, возможно даже в большей степени, за границей, и нет нужды напоминать об интеллектуальных, идеологических, политических и прочих составляющих, обеспечивших всемирную славу броделевской империи, которая жила на авторитете Шестой секции Школы высших исследований, затем Дома наук о человеке и, конечно, вторых «Анналов», чьим лицом Бродель стал после смерти Люсьена Февра. Все это не могло ускользнуть из поля зрения Виктора Далина, равно как и тот факт, что информационный обмен между социалистическими странами и остальным миром, сводившийся к сугубо академическому общению, был налажен наиболее эффективно со Школой высших исследований и проводился на уровне личных контактов (эффективность личных контактов иллюстрирует пример Гуревича, к сожалению, недавно скончавшегося). Этим отчасти можно объяснить пиетет, который Далин питал к Броделю, и то, что он посвятил французскому историку целых 15 страниц своей книги (с. 364–379).

Если в начале, как мы видели, Далин выражает свое восхищение создателями «первых “Анналов”» – восхищение, смешанное с гражданским уважением к памяти Марка Блока и личной симпатией к Люсьену Февру, с которым советский историк состоял в переписке и которому посвятил некролог, – то, анализируя их труды, он прежде всего пытается подчеркнуть разнообразие путей развития исторической науки между двумя мировыми войнами и специфику того из них, что вел от Жореса к Жоржу Лефевру и Лабруссу. Подводя негативные итоги деятельности первых «Анналов», Далин говорит о том, что можно назвать «отклонением» Марка Блока и, даже в большей степени, Люсьена Февра в сторону истории коллективной психологии как главной движущей силы человеческих поступков. Жак Ле Гофф увидел в этом предвестье появления истории менталитетов и поставил в заслугу

Блоку и Февру начало изучения «образов мышления и чувствования других эпох», то есть того, что должно было стать «смыслом и основой» истории. Далин с ним не согласен: «Думается, что это утверждение относится скорее к некоторым из нынешних руководителей “Анналов”, но не к их основателям».

Но так легко Блоку и Февру отделаться не удалось, советский историк не замедлил добавить, что все это «показывает, насколько в ряде основных вопросов концепция основателей “Анналов” уязвима и требует серьезной критики». Далина не обманули скупые, но между тем искренние признания Марка Блока в симпатии к Марксу и откровенное заявление его друга Февра о том, что этот «философ», конечно, «умер, но дело его живет», однако чтение его произведений не так уж необходимо историкам, которые привыкли «говорить конкретно о тружениках конкретности».

В этом вопросе, как мы увидим в дальнейшем, позиция Фернана Броделя мало отличается, тем не менее, он получит право на большее снисхождение.

Вскоре после войны произошло событие, важность которого нельзя не оценить, – издание в 1949 г. книги «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». Она принесла своему автору, по его словам, «признание в качестве одного из самых значительных и талантливых» исследователей в историографии Западной Европы.

В соответствии с выбранным стилем повествования Далин предвзвешивает анализ произведений французского историка биографической справкой, пишет об этапах карьеры, изначальном интересе Броделя к истории Французской революции, о его первом преподавательском опыте в Алжире, затем о жизни в Бразилии, о том, как он начинал открывать для себя мир и как его изыскания были прерваны заключением в концлагере, где, в плену, в изоляции, родился шедевр, если и не лишенный источников, то, по крайней мере, без доступа к архивным материалам, шедевр, которому суждено было стать легендарным. Мы будто вместе с ним слышим эхо восторженных отзывов Люсьена Февра о «книге, которая переросла» из образчика эрудиции в пролог к новой истории, «лучше отвечающей нуждам нашей эпохи». Тем не менее Далин, даже если он, как и многие другие на момент выхода книги и позднее, не считает необходимым обсуждать вполне традиционный характер деления работы Броделя на три части – среда, коллективные судьбы, события и политика, – в чем проявляется, как впоследствии и у Пьера Вилара, наследие Видаля де ла Блаша, не жалеет слов на критику второго тома, посвященного экономическим проблемам: чрезмерное внимание к товарообороту, обмену, торговым путям в ущерб производству создает некое неравновесие, и позже сам Бродель будет упрекать в неверности такого подхода собственного ученика Пьера Шоню. Для историка-марксиста слишком лаконичное изложение материала под

заголовком «цивилизация» исключает серьезный социальный анализ – восемь страниц о буржуазиях! Разделяя восторги Люсьена Февра по поводу территориальной широты охвата, то есть пространства большой протяженности как предмета исследования, он не согласен с тем, что, когда речь заходит о металлах, зерне, специях, во главу угла ставятся торговые пути, а не центры производства, ради того чтобы проиллюстрировать «победу океана над морем». И Далин возмущается, призывая вернуться к первоисточникам — не только к документам XVI века, а к Марксу, согласно которому в этом столетии шел процесс строительства капитализма на его первой стадии, мануфактурной.

Разрываясь между искренним восхищением и внутренним протестом, Далин в итоге сам себе противоречит, рассуждая о фундаментальной концепции всеобщей истории. Не приемля того, что выше всего оценил Люсьен Февр, – структуру жизни человеческого общества, представленную в форме многоэтажного здания, которое базируется на том, что незыблемо и постоянно (среда, повседневность), и заканчивается внешними, дополнительными надстройками (скажем, «пенной дней»), – он формулирует свое несогласие: «Именно эта классификация исторических явлений мешает написанию “глобальной” истории, где все узлы – и экономической, и социальной, и политической истории были бы тесно увязаны» (с. 369). Но несколькими страницами ниже и далее Далин главным достоинством «Средиземноморья» объявляет как раз содержащийся в этой книге проект всеобщей истории. Он не позволяет себе оспаривать броделевскую теорию «провалов, расщелин» между «плато», на которых расцветают цивилизации.

Далин ссылается на исторический контекст, полагая что книга несет на себе отпечаток своего времени – XX века, осознавшего, что цивилизации смертны, одержимого концепцией упадка, сформулированной Шпенглером в первой половине столетия, – и отмечает, что Бродель всего лишь преуменьшает в своем научном анализе значение передачи факела от одной цивилизации к другой, – яркий свет великих «цивилизаций осени» на закате придает ценность изучению истории Испании XVI и даже XVII веков, равно как и Оттоманской империи, и точность или спорность датировки переломного момента тут не важна. Именно в этом Далин видит смысл той самой всеобщей истории, и, несмотря на серьезные возражения, которые он мог бы высказать по поводу структуры, исследовательского метода или пренебрежения к событийной истории, автор «Средиземноморья» для него – светило исторической науки, чье восхождение на небосводе он приветствует в начале 50-х годов.

Надо ли говорить, что его отношение изменилось, когда замысел Броделя, возникший в 1954–1955 гг. и вызревавший в течение 15 лет кропотливых исследований, воплотился в трехтомный труд «Материальная цивилизация и капитализм» (1967–1979 гг.)? Вы сказали

«капитализм»? Историк-марксист настораживается. Он и на этот раз отмечает былой размах, отвагу, оригинальность, но не в силах скрыть своего глубочайшего несогласия: «При чтении удивляют и вызывают недоумение три аспекта», а именно – во-первых, отделение материальной цивилизации от экономической жизни и капитализма; во-вторых, концепция материальной цивилизации, «фундамента», как единства повседневности и укладов элементарной жизни; в-третьих, дефиниция экономической жизни как поверхностного пласта повседневности, чьим третьим, сложным, «этажом» является капитализм.

Капитализм – явление позднее, о котором «на горизонте» 1800 г. (как скажет Шоню) многие не имели представления, и Далин подсакивает, узнав из книги Броделя, что термин, вошедший в обиход к 1870-му году, был незнаком Марксу, – «...с этим утверждением мы никак не можем согласиться». Начинается диалог глухих – ведь Далину, как и всем остальным, известно, что писал по этому поводу Ленин: «...капитализм вырастает как бы ежедневно, из простейших товарных отношений». Это взаимное непонимание двух ученых, разумеется, должно было повлечь за собой «неприятные последствия».

И они не замедлили дать о себе знать с появлением броделевской теории «времени большой длительности», о которой впервые было заявлено автором в ставшей канонической статье 1958 г. Советская историография начала бурно реагировать на нее в начале 70-х годов. М. Соколова истолковала понятие, предложенное Броделем, как «время *очень* большой длительности», неограниченной, в смысле вечной; Далин, напротив, расценил его как период разумной длительности, именно так о хронологической единице говорит Бродель в упомянутой статье, – это некая протяженность бытия с XV-го по XVIII век, характеризующаяся определенным сходством условий существования и закончившаяся с началом индустриальной революции, из которой «мы еще не вышли» (таково, по крайней мере, было мнение Броделя в конце 50-х годов). Здесь вполне можно было бы найти основу для компромисса, который удовлетворил бы Виктора Далина, – разве такое определение периода «большой длительности» не вписывается в рамки марксистского анализа «исторических процессов»? Однако Далин испытывает сомнения и в конце концов отвергает понятие временной протяженности, «чересчур широкой и неопределенной».

На фоне восторженных откликов газеты «Монд» о книге Броделя, об этом «явлении в мировой истории», Далин заявляет, что еще рано давать оценку этому труду, но у него уже есть «серьезные возражения». Он не дал Броделю обмануть себя реверансами в сторону Маркса (40 ссылок) и полуироничными репликами – Маркс «...отец современной истории, это же и так ясно, как дважды два – четыре», «...мы ни разу не вступили в полемику с Марксом».

Однако в итоге, несмотря на все оговорки и замечания по поводу броделевской концепции истории, неясности изложения и пренебрежения к событийной стороне, советский ученый сдается: «В истории науки Фернан Бродель войдет прежде всего как автор двух ярких конкретно-исторических интереснейших трудов». Далее он пишет, что путешествие по страницам книг Броделя доставило ему величайшее удовольствие – что это, признание в слабости, вполне простительной? – и что большее впечатление на него произвели скорее детали, нежели целое, а это превращает французского мэтра исторической науки в «ловца жемчуга». Ну как, удовлетворены? Далин в последние годы жизни – они с Броделем были ровесниками – удовлетворен не был. Чтобы примириться со своим героем, ему нужно было подтверждение, минимальная демонстрация веры в идеал, и он получил желаемое в ответе на свое «новое письмо» (что свидетельствует о наличии предыдущих), который Бродель 24 июля 1981 г. отправил советскому партнеру по переписке с обращением «Дорогой друг». Был ли это момент истины? Бродель честно признался, что Маркс стал для него поздним открытием и он не может назвать немецкого философа своим учителем, даже если его, Броделя, концепции и деятельность первых «Анналов» испытали влияние марксизма. Уже «средиземноморское» путешествие во времена «большой длительности» содержит, по словам Броделя, тому доказательство, а размышления о материальной культуре заставили его после 1950 г. «окунуться в идеи Маркса с головой, и мне там понравилось»... Маркс устарел, потому что мир постарел, нужно отбросить сомнения и вернуть ему молодость, сохранив его дух, – «в этом проявляется мое уважение к Марксу и в конечном итоге верность ему». Так что Бродель на равных разговаривает с великим философом, не объявляя себя его ярым последователем.

Удовлетворившись более или менее таким ответом, Виктор Далин получил еще каплю бальзама на душу в сентябре 1982 года, до выхода своей книги, – это было опубликованное в журнале «История» одно из последних интервью Фернана Броделя, расцененное как манифест его разрыва с «Анналами», с третьими «Анналами», в которых он уже не распознает своих идей. Вспоминая светлые времена Люсьена Февра и Марка Блока, Бродель идеализирует первые «Анналы», но видит и ценит в них не тот ортодоксальный журнал, каким он сделался, а творение «еретиков и нарушителей закона».

И, выдержав испытание всеми благами, которые сыпались на него в период расцвета «броделевской империи», мэтр сохранил за собой это звание еретика. А Виктор Далин остался доволен, потому что подтвердилось его мнение о закате «Анналов», но еще больше советского историка, наверное, порадовала дружеская поддержка еретика из такой хорошей компании.

Post Scriptum

Что же, на этом и расстанемся? Хотелось бы еще кое-что добавить. Говоря об отношении Броделя к Марксу, Виктор Далин не преминул процитировать и заявление французского мэтра о том, что, прежде чем высказаться на эту тему окончательно, он ждет появления шедевра марксистской историографии, который убедительно покажет ему эффективность применения доктрины Маркса в исторической науке.

Советскому историку, поставившему себе в первой части книги цель проследить развитие марксизма во Франции, даже после официального знакомства с Альбером Собулем, к 1980 г. так и не удалось найти на воссозданной им сложной, смутной картине ту редкую птицу, о которой мечтал Бродель. Так может быть, пока ведутся поиски великого человека, мы отведем временно свободное место на постаменте автору «Средиземноморья», даже если он не марксист?